

Глава LVI

Друзья нашли для меня премиленькую усадьбу в Сен-Тропе — живописной рыбацкой деревне на юге Франции. Увидев ее, я подумала, что попала в сказку: из маленького, в три комнаты особняка открывался чудный вид на заснеженные вершины Приморских Альп. Вокруг были разбиты садик, полный восхитительных роз, красной и розовой герани и фруктовых деревьев, и огромный виноградник, и всё это великолепие обходилось мне всего лишь в пятнадцать долларов в месяц.

Здесь ко мне вернулась прежняя жажда жить и вера в то, что я преодолею любые препятствия, уготованные судьбой. Занималась я лишь книгой да домашним хозяйством, готовя на непривычной провансальской угольной плите из красного кирпича; я даже выучилась плавать — времени теперь было много. А еще ко мне то и дело приезжали друзья, причём не только из Америки, но и из других частей света — на час ли, на день, по делу или просто на выходные.

Частенько у меня бывали Жоржетта Леблан 104, Маргарет Андресон, Пегги Гуггенхайм 105 и Лоренс Вель 106, жившие неподалеку, в деревне Прамускье; кстати, там же я познакомилась и с Кэтлин Миллей и Говардом Янгом. Последний, собственно, и подвигнул меня на мемуары, упрекнув в отсутствии внятной биографии: женщина с таким, как у меня, прошлым, сказал он, могла бы неплохо на нём заработать. Я ответила, что с радостью последую совету, только перед этим хотелось бы знать, кто будет моими стенографисткой, кухаркой и посудомойкой, а также понять, на что всем означенным лицам предстоит жить ближайшие два года. Тогда Говард пообещал, что по возвращению в Америку найдёт деньги — «скажем, пять тысяч долларов, а?» Это было серьезно, и в честь моего будущего благодетеля Пегги выставила еще несколько бутылок вина — вдогон к тем, что мы уже успели опорожнить за ужином.

Четыре месяца неспешной работы и приятного отдыха в Сен-Тропе пролетели незаметно, тем более, что я жила надеждой, которая вскоре, к несчастью, начала рушиться прямо на глазах. Сначала мистер Дэниэл написал мне, что положение в Англии после всеобщей стачки усложнилось, и мне не стоит особо рассчитывать на издание моей книги о русской драме. Впрочем, первое облачко на ясном прежде небосводе омрачило его, но всё же не затянуло его так, как телеграмма от нью-йоркского товарища, который обещал собрать нужные средства для моей поездки в Канаду, но вместо этого прислал лаконичную депешу: «Всё отменяется». «Интересно, это канадское правительство решило не впускать меня в свою страну, или ребята пересмотрели свое приглашение?» — думала я; оказалось, ни то, ни другое: Канада оставалась в блаженном неведении угрожающей ей опасности, а товарищи удивились моему робкому вопросу — они по-прежнему ждали меня.

Выяснилось, что эта путаница стала следствием беспокойства моего знакомого: он боялся моей встречи с коммунистами. Его опасения имели под собой определённые основания: в

Нью-Йорке члены компартии врывались на собрания радикалов и устраивали там настоящие дебоши с нанесением увечий оппонентам, и это вкупе с начинавшейся Великой депрессией не могло не оказать влияния на успех моей поездки. Я оценила его благие намерения, но была готова рвать и метать от самой попытки решать что-либо за меня; если бы это случилось, пока я была в Англии, мне бы показалось, что рушится мир. Однако Сен-Тропе вернул мне и силы, и боевой дух, поэтому я просто телеграфировала в Америку трём друзьям с просьбой одолжить мне денег, и они откликнулись почти одновременно, хотя и жили в разных частях страны.

Как-то в Париже мне случилось пообедать с Теодором Драйзером. «Ты должна написать историю своей жизни, Эмма Гольдман! — настаивал он. — Она поведает миру о самой богатой событиями женской судьбе нашего столетия. Почему ты до сих пор не сделала этого?» Я ответила, что Говард Янг уже говорил об этом, но я не восприняла его слова всерьез: обещанных им денег я так и не увидела, хотя он вернулся в Америку уже семь месяцев назад. Драйзер возмутился: он уже загорелся этой идеей и сказал, что выхлопочет аванс в пять тысяч долларов от какого-нибудь издателя, и очень скоро со мной свяжется. «Ладно, старик, посмотрим, что сможешь сделать ты; и не бойся — даже если ты ничего не добьешься, подавать на тебя в суд я точно не стану!» — рассмеялась я в ответ.

Мой приезд в Канаду остался незамеченным — совсем как это было в Англии двумя годами ранее, хотя в Монреале мне рассказали, что здесь уже много лет не выступал ни один английский анархист; более-менее деятельным было лишь местное еврейское сообщество, но у его членов не было опыта в организации лекций на английском языке. Мой друг Исаак Дон Левин пообещал помочь с рекламой, но не успел он доехать до Монреала, как газеты раструбили, что, одурачив миграционную службу, в страну въехала опасная анархистка Эмма Гольдман, скрывающаяся под фамилией Колтон. Чтобы не волновать обывателей и уговорить прессу, Дон выступил с объяснением причин моего приезда и предложением журналистам взять у меня интервью. Немедленно в доме семейства Цалеров, приютивших меня, начали трезвонить телефон и дверной звонок, а газеты бомбардировали горожан сенсациями типа «Эмма Гольдман и Джеймс Колтон, шахтер из южного Уэльса, после двадцати пяти лет разлуки поняли, что любят друг друга и сочетались законным браком». Писали они и о том, что миграционная служба якобы заявила, что не будет препятствовать моему пребыванию в Канаде, если «я не буду пропагандировать бомбы», но вся эта романтическая чушь ничуть меня не тревожила.

Если кто и пытался мне помешать, так это были коммунисты: они ходили по еврейскому кварталу, призывая бойкотировать мои лекции. Правда, даже среди них встречались разумные люди, которые и предложили не заниматься подобной ерундой, а устроить дебаты между мной и Скоттом Нирингом 107. Я бы предпочла какого-нибудь коммуниста, который прожил в России чуть подольше и знал ситуацию лучше, чем мистер Ниринг, но тем не менее, была готова обсуждать вопросы жизни при диктатуре даже с ним. Жаль только, что мистер Ниринг ответил на это, что буде Эмма Гольдман умирала, и он мог бы спасти ей жизнь, то не сделал бы этого, даже если бы это происходило за углом его дома.

А всё шло своим чередом: я выступила в театре, затем сказала речь на вечере памяти Юджина Дебса, прочла шесть лекций на идише и даже побывала на банкете, где

собравшиеся пожертвовали несколько сотен долларов в пользу русских политзаключенных. Больше всего радовало то, что в Монреале нашлись женщины, готовые собирать средства на постоянной основе.

В Торонто анархистов было намного больше, и организованы они были намного лучше. Они вели мощную пропаганду на идиш, имели влияние в местной общине, но, к прискорбию, никак не работали с населением. Тем не менее, они изъявили желание помочь, и действительно сделали немало для моего успеха; а еще совершенно неожиданно я обрела сторонников среди представителей прессы. Местные газеты знали о том, что я скоро буду в Торонто, но на лекцию своего представителя отправила только Star. Я была приятно удивлена тем, что этот самый мистер Рид разбирается в анархистской философии и знаком с трудами ее представителей, и даже пошутила на эту тему: дескать, он мог бы быть одним из нас. В ответ он рассмеялся — жизнь, мол, жизнь сложна и без того, чтобы разделять столь непопулярные взгляды, а тем паче распространять их в этом бестолковом мире. Однако именно его обаяние стало причиной того, что, как говорили коммунисты, Star стала «пропагандистским листком Эммы Гольдман». На самом деле владелец газеты когда-то тяготел к идеям анархизма, а сейчас просто вспомнил молодость; но я чувствовала, что без Рида тут не обошлось, тем более, что он и его жена приняли на себя роль моих покровителей — миссис Рид даже вызвалась устроить мне курс лекций о драме. Они были славными и по-настоящему родственными мне душами, особенно здесь, в Торонто, где всё было чужим.

Тут как раз явились мои родственники из Штатов, и это было очень кстати — я так по ним соскучилась! Не то чтобы мне было трудно навестить их, но с точки зрения благоразумия правильнее было им приехать ко мне: многие местные авантюристы были готовы переправить меня через границу, но смысла в этом не было — моя фотография имела в каждом полицейском участке. Конечно, мне было обидно: отдав столько лет Америке, я не могла появиться там до тех пор, пока публично не откажусь от своих идеалов; но в сердце моём она оставалась всегда, а те, кто хотел меня видеть, не считали за труд приехать в Канаду.

Одной из особенностей последней была высокая стоимость проезда: расстояния между городами были настолько велики, что я решила остаться в Эдмонтоне, ибо Виннипег едва не стал моим Ватерлоо — здесь стоял невыносимый холод, которому подыграла разгулявшаяся инфлюэнца, и на первый же день я свалилась. Но и выздоровление не принесло бы мне особой радости — наши ячейки были разобщены, митинги и прочие мероприятия организовывались из рук вон, к тому же на них непременно присутствовали коммунисты, норовившие выкинуть какой-нибудь фортель. Однако за эти шестинедельные страдания мне все-таки воздалось: сначала я с успехом прочла курс своих лекций о театре, а затем меня пригласила выступить молодёжь из Arbeiter Ring вместе со студентками из местного университета. Кроме того, я познакомилась с радикально настроенными дамами, и с их помощью собрала немного денег для общества помощи политзаключенным России.

А вот Эдмонтон в провинции Альберты превзошёл все самые смелые ожидания, и не только мои: прибыв сюда с двумя лекциями, я осталась на неделю и всего дала их полтора десятка, иной раз выступая по три раза в день. Послушать мой рассказ о театре возжаждали все

еврейские общества города, а также многие профсоюзные ячейки и студенческие организации — и это стараниями всего трёх человек! Интересно, что ни один из них не принадлежал к анархистам: миссис Фридман, глава Совета еврейских женщин, была непоколебимой и искренней сторонницей существующего политического строя, Э. Хансон являлся национал-социалистом, а Карл Берг — членом ИРМ.

Вернувшись в Торонто, я получила письмо от Пегги Гуггенхайм — она удивлялась, почему я не ответила Говарду Янгу относительно автобиографии: не передумала ли я? Может ли он собирать средства, чтобы я могла писать эту книгу? Он мог бы уже начать, и она сама готова внести пятьсот долларов. Я ответила, что не получала от Говарда никаких писем, но пусть он делает, что задумал, хотя про себя предпочитала, чтобы этим неблагодарным делом руководил мой старый друг Ван Валькенбург: если бы прибыль приносили энергия и неутомимость, Ван неизменно был бы успешен. Но первыми моими благодетелями стали Пегги Гуггенхайм и Говард Янг, быть секретаршей вызвалась Кэтлин Миллей, а Вану досталась корреспонденция, причём весьма обширная; так начинался мой «шедевр, который всколыхнет весь мир».

Тем временем товарищи из Торонто требовали, чтобы я осталась — они и подумать не могли, что их город настолько откроется анархистской пропаганде. Они наперебой уговаривали меня переехать в Торонто — лучше навсегда, но если нет, то хотя бы на несколько лет, и предложили оплачивать все мои расходы, заявив, что я могу считать себя нанятой. При этом большинство евреев-анархистов едва сводили концы с концами: например, у Мориса Лангборда и его жены Бекки было шестеро чудных детей, и у каждого был отменный аппетит, так что их родителям приходилось вкалывать с утра до ночи, чтобы прокормить их. Или Юдкин, разнощик газет, обладатель не более девяноста фунтов веса и больной жены; или Джо Дессер, добродушный и отзывчивый человек, который уже давно и тяжело хворал. Да у каждого из них — и у Гурьяна, и у Симкина, и у Гольдштейна, и у других товарищей была своя тяжкая ноша; я бы ни за что согласилась принимать помощь даже от Юлиуса Зельцера, единственного «миллионера», не говоря уже об остальных, поэтому о том, чтобы провести остаток жизни в Канаде, не могло быть и речи.

А вот прожить здесь год я, пожалуй, могла бы: кое-какую прибыль принесли несколько лекций о драме, устроенные друзьями-художниками Флоренсом Лорингом и Фрэнсисом Уайли, немного денег ко дню рождения прислали родственники, к тому же о моих именинах вспомнили и друзья — оба Бена, Большой и Маленький, и кое-кто еще, так что часть лета я вполне продержалась бы. Я даже думала сначала немного отдохнуть, и только потом засучить рукава и взяться за новые лекции, но всякое желание отдыхать убила во мне весть о приближающейся казни Сакко и Ванцетти.

Об их аресте я узнала еще в России, но до приезда в Германию больше ничего об этом не слышала. Доказательства их невиновности были настолько неопровержимы, что казалось невозможным, чтобы штат Массачусетс в 1923 году повторил преступление, совершённое штатом Иллинойс в 1887 году. Я убеждала себя, что за четверть века в Америке должны были свершиться какие-то перемены в умах и сердцах, могущие предотвратить новую жертву...

Странно, что из всех, кто об этом переживал, больше всего беспокоилась я — я, жившая и боровшаяся в Соединенных Штатах большую часть жизни, я, собственными глазами видевшая безразличие трудящихся и бесчеловечность американских судов! Это наших чикагских товарищей безвинно казнили, это Сашу осудили на двадцать два года за преступление, которое по закону предусматривало только семь, это наших Муни и Биллингса погребли заживо на основании ложных показаний, это наши Уитланд и Сентрейлия до сих пор находились в тюрьме! Как же я могла поверить, что невинные Сакко и Ванцетти могут избежать американского «правосудия»? Я стала жертвой всеобщего заблуждения — весь мир не верил в то, что Сакко и Ванцетти откажут в пересмотре их дела, или в то, что смертный приговор будет приведен в исполнение. Я тоже подпала под влияние этих настроений, оттого делала слишком мало, чтобы спасти две прекрасные жизни, и только после приезда в Канаду в полной мере осознала свою ошибку. Все разговоры казались неуместными и тщетными, но я никак больше не могла привлечь внимание к преступлению по ту сторону границы; увы, мой жалкий голос потонул в миллионном хоре, который напрасно взывал к напрочь оглохшей Америке. Мои товарищи собрали митинг, на котором согласилась выступить и я, хотя знала, что никакие гимны отваге и благородству Сакко и Ванцетти не воспоют их в глазах потомков лучше их собственных слов.

Чтобы пережить боль этой утраты, я прибегла к испытанному способу — погрузилась в изучение материалов для будущих лекций, которые должны были начаться зимой. К сожалению, ни в публичной, ни в университетской библиотеке Торонто не было работ по вопросам общества, образования и психологии, которые волновали умы. «Мы не покупаем книги, которые считаем аморальными», — так, по слухам, заявлял местный библиотекарь, и я обратилась к Артуру Леонарду Россу, который прислал мне целых два ящика новейших изданий по интересующим меня темам. Кроме того, у мистера Сандерса, секретаря местного Общества Уолта Уитмена, я наткнулась на богатую коллекцию его книг, благодаря чему меня пригласили выступить на ежегодном собрании в память о добром седовласом поэте.

В общем, в Торонто мне несказанно везло — здесь воплощалось в действительность любое мое пожелание. «Секретарь? Конечно! Вот вам Молли Кирцнер — она всё сделает». Через год Молли сменила фамилию на Акерман, но это единственное, что в ней изменилось — она была по-прежнему мне верна. «Надо бы контору поближе к центру города. Есть такая? А как же! Вот адвокат Ч. Герлик, он тоже социалист, и его кабинет в твоём распоряжении». Врач, дантист, портные — все немедленно появлялись передо мной, стоило мне только заикнуться; у меня даже появился добрый опекун — я поселилась у милой дамы по имени Эстер Ладдон. Она была моей ровесницей, но заботилась обо мне, словно я была ее ребенком: беспокоилась о моём здоровье, волновалась о том, когда и что я ем, и требовала ото всех, чтоб никто не смел пропустить выступление великого оратора Эммы Гольдман... Положительно, мне везло намного больше, чем я заслуживала!

В январе 1928 года я прочитала последнюю лекцию из двадцати задуманных, посвятив их насущным вопросам современности. В тот вечер я говорила о книге Бена Линдси «Брак по договоренности», и народу пришло гораздо больше, чем было на четырёх предыдущих собраниях. Все расхваливали меня, уверяя, что я превзошла всех ораторов Торонто; между тем всего год назад я была никто и ничто, но за эти двенадцать месяцев сумела стать

известным человеком — настолько известным, что последние восемь месяцев на мои лекции, проходившие дважды в неделю, приходили толпы людей. Однако важнее всего было то, что после моих речей в городе было организовано движение за отмену телесных наказаний в школах. Все утверждали, что это моя заслуга, и я действительно потратила немало сил на то, чтобы пресечь эту дикость; однако без поддержки друзей у меня никогда бы этого не вышло. Муж и жена Риды, Роберт Лоу, Мэри Рэмси, Джейн Коэн, Хьюзы, Флоренс Лоринг и Франсес Уайли, а также все, кто был со мной в Торонто, старались не меньше моего, поэтому и лавры нужно было разделить между всеми нами.

В отличие от моего прошлого приезда в Монреаль, эта неделя была полна радостных новостей и приятных минут. За год, который я здесь не была, мои девочки, как я называла Женское общество поддержки революционеров России, не погасли и не пали духом. Все они — и миссис Цалер, и Лена Слэкман, и Минна Барон, и Роза Бернштейн, и многие другие — превзошли все мои ожидания, собрав порядочную сумму и выслав ее в Берлин для Фонда русских политзаключенных. Сейчас же, по моему приезду, они успешно организовали для меня сразу два митинга, оказавшиеся самыми многочисленными и интересными из всех, на которых я выступала в Монреале. А какой замечательный прощальный ужин они устроили!

Приятно мне было прочитать и устроенную семьёй Кайзерманов лекцию об Уолте Уитмене; они собрали у себя всю еврейскую интеллигенцию города, и все наперебой повторяли, что горды тем, что я одна из них. Они даже не обратили внимания на то, что я пыталась тронуть их еврейские сердца поэзией гоа Уитмена — вернуться в Монреаль стоило хотя бы ради этого!

Провела несколько приятных часов я и с Эвелин Скотт — ее «Похождениями» я зачитывалась задолго до нашего знакомства; дружба наша родилась в Лондоне и крепла с каждым письмом Эвелин, не менее безукоризненным, чем ее литературные произведения. Мы смеялись до слёз, вспоминая нашу последнюю встречу в Кассис во Франции: тогда она пригласила нас с Сашей на ужин, а мы приехали в четыре часа утра вместе с Пегги и Лоренсом, голодные, как волки, и сонная Эвелин извиняющимся тоном предложила нам кофе — от роскошного ужина не осталось ни крошки.

Правда, Ван уныло доложил, что мобилизация на «Жизнь Эммы Гольдман» не смогла собрать и батальона — в копилке было не больше тысячи долларов, хотя он донимал всех, кто был рядом; но узнав последние новости с фронта, обрадовался. Товарищи из Freie Arbeiter Stimme при содействии редактора газеты Джозефа Коэна, В. Акслер и Сары Грубер собрали почти столько же, в Торонто и Монреале тоже кипела бурная деятельность, хотя собрана была едва ли половина из необходимых пяти тысяч долларов. Впрочем, Ван не сдавался: он будет терзать каждого, кто однажды назвался другом Эмме Гольдман; но каковы же мои планы? Буду ли я ждать, или возьмусь за работу? В ответ я дразнила своего невольного импресарио: да как он смеет даже думать о том, что анархистка может остановиться на полпути! Ведь за пятнадцать месяцев я сумела собрать свыше тысячи трёхсот долларов в фонд политзаключенных, плюс кое-какие деньги на освобождение Сакко и Ванцетти; к тому же я расплатилась с долгами, которых накопилось на тысячу двести долларов, и у меня осталось достаточно, чтобы приступить к автобиографии.

Итак, я возвращалась во Францию, в прекрасный Сен-Тропе, в волшебный маленький домик, в котором собиралась писать о своей жизни. Моя жизнь! Взлёты и падения, нестерпимая горечь и восторженная радость, мрачное отчаяние и жаркая надежда — я выпила эту чашу до последней капли. Я прожила своё; хватило бы теперь только таланта описать жизнь, которую я прожила!

Версия #1

██████████ ██████████ создал 21 апреля 2025 18:01:28

██████████ ██████████ обновил 21 апреля 2025 18:01:41